

От окраины к центру: журнал *Zeszyty Literackie* и «триумвират поэтов» (Милош, Венцлова, Бродский)

Ольга Бараиш

Переводчик

Москва, Россия

«La grande hantise qui a obsédé le XIXe siècle a été, on le sait, l'histoire <...> L'époque actuelle serait peut-être plutôt l'époque de l'espace. Nous sommes à l'époque du simultané, nous sommes à l'époque de la juxtaposition, à l'époque du proche et du, lointain, du côté à côté, du dispersé»¹ (Foucault 1984).

Это предсказание, которым открывается известная лекция М. Фуко «Des espaces autres», прочитанная в 1967 г., оказалось верным для последующих десятилетий. Ключевым понятием для постмодернистской парадигмы стало пространство, в связи с чем пространственные термины стали применяться и к областям, не имеющим отношения к пространству в классическом понимании. Особенно это касается России, куда постмодернистская мысль пришла с опозданием и претерпев ряд искажений; это заставляет некоторых исследователей говорить о «ширящемся употреблении слова “пространство” в качестве служебного» и давать ему полушутливое определение: «модное слово философского дискурса 1990-х гг., которое обеспечивает суггестию смысла путем отказа от требования Оккама не вводить новых сущностей» (Гусейнов 2002).

Одной из таких расплывчатых «сущностей» стал широко распространившийся термин «литературное пространство», заимствованный у М. Бланшо (*l'espace littéraire*) и приобретающий у разных авторов самые разные значения – от «географии литературы» до «пространственных образов в художественном тексте». При

---

¹ «Великим кошмаром, которым был одержим XIX век, являлась, как известно, история <...> Нынешняя эпоха будет, может быть, эпохой пространства. Мы пребываем в эпохе одновременности, мы пребываем в эпохе соположения, в эпохе близкого и далекого, находящегося бок о бок, рассредоточенного» (пер. с франц. автора статьи).

этом современные критики и филологи (Д. Кузьмин, В. Смоленский, Э. Шмидт и др.) все чаще употребляют данное словосочетание как синоним термина «литературный процесс». А анонимная статья в одном из сетевых словарей «Литературный процесс, литературное пространство» и вовсе предлагает «отправить в архив понятие “литературный процесс” навсегда (либо надолго), заменив его понятием “литературное пространство”» (<http://www.3slovary.ru>).

Подробное рассмотрение семантики этого термина не входит в задачи данной статьи; отметим только, что темпоральная составляющая, присутствующая в словосочетании «литературный процесс», из него исключена, что еще раз подтверждает мысль Фуко об «одержимости пространством» современного человека. И если применять к совокупности форм бытования литературных текстов именно пространственную метафору, то следует предположить, что это пространство имеет свою топику, что в нем имеются свои конвенциональные топосы, свои утопии и свои гетеротопии. Хотя, разумеется, их локализация так же умозрительна, как и само понятие литературного пространства, и зависит в первую очередь от ракурса, в котором оно рассматривается. Так, в частности, поэзию можно рассматривать как «другое место» по отношению к прозе (и наоборот), авангард – по отношению к традиции, а литературно-художественный журнал – как гетеротопию по отношению к книге.

Так же любую точку продуцирования текстов, представляющих язык и культуру, отличных от языка и культуры пространства, где они продуцируются, можно считать гетеротопией по отношению к конвенциональным локусам данного пространства. То есть, попросту говоря, любая эмигрантская литература является «другим местом» в литературном пространстве как страны, где она производится, так и страны, на языке которой она написана. С этой точки зрения мы рассматриваем журнал *Zeszyty Literackie* (*Литературные тетради*), в 1983–1989 гг. издававшийся в Париже польским редактором Барбарой Торунчик и международной редакционной коллегией на польском языке. Журнал, в такой же мере демонстрировавший «девиантное поведение» (по отношению как к польскому, так и французскому литературному пространству), как и прочие эмигрантские журналы, в частности, как все польские издания, выходящие в других странах (а за годы существования польской диаспоры таких изданий были тысячи). Однако нас интересует более узкая локализация – место *Зешитов литерацких* на карте польской прессы, выходявшей на Западе в 80-е годы, – разумеется, той прессы, которая имела какой-либо общественный резонанс и привлекала читательский интерес. А таких изданий было в то время, собственно, три: лондонский политический журнал *Alex*, выходявшая также в Лондоне газета *Wiadomości* (*Новости*) и самое известное из них – журнал *Kultura* (*Культура*), выпускавшийся в Париже знаменитым «Редактором с большой буквы» Ежи Гедройцем. «Оба эти названия вводят в заблуждение: *Вядомостям* лучше подошло бы то название, под которым этот же редактор <Мечислав Грыдзевский. – О. Б.> до войны издавал свой еженедельник в Варшаве, – *Вядомости литерацке*, – а

в *Культуре* всегда больше говорилось о политике, чем о самой культуре», – отмечает польский писатель, один из авторов *Зешитов литерацких* Я. Зелинский (Зелинский 2008). Следует упомянуть и журнал *Zeszyty historyczne* (*Исторические тетради*), также выпускавшийся Гедройцем, служивший приложением к *Культуре* и полностью оправдывавший свое название. Учитывая то, что в начале 1980-х гг. *Вядомости* перестали выходить, места для освещения литературы и публикации художественных произведений в польской эмигрантской прессе практически не было. *Культура* публиковала в первую очередь авторов, интересовавших Е. Гедройца как «орудие» политической борьбы. Так И. Бродский попал в сферу внимания Е. Гедройца лишь дважды: в 1965 г., когда был в ссылке, и в 1972 г., когда оказался в эмиграции, то есть не столько как поэт, сколько как личность, враждебная советскому режиму. Что касается Ч. Милоша, постоянного автора *Культуры*, то из его переписки с Гедройцем явствует, что его роль в журнале – роль эссеиста и посредника между редакцией и польской диаспорой в США – тяготила поэта, стремившегося в первую очередь публиковать свои стихи. Стихотворение Т. Венцловы в переводе Ч. Милоша «Разговор зимой» было напечатано в *Культуре* в 1973 г. (по совету Бродского); впоследствии литовский поэт также выступал в журнале как эссеист. Таким образом, главное направление польской эмигрантской прессы в то время было политическим, лишь с небольшой долей внимания к культуре.

Когда в Польше было введено военное положение, Барбара Торунчик находилась на Западе в качестве не эмигрантки, а докторантки, научным руководителем которой был Венцлова. Именно Венцлова познакомил ее с Бродским, чтобы тот «посоветовал, что делать», и вместе они уговорили ее не возвращаться в Польшу. „Toruńczyk chciała wracać do Polski i koniecznie trafić do więzienia... z Brodskim musieliśmy ją przekonywać, że tego robić nie trzeba, natomiast trzeba pojechać do Paryża i założyć czasopismo literackie”², – вспоминает Т. Венцлова (Franaszek 2007).

Тогда арестовали многих ее сверстников, в частности, коллег по подпольному журналу *Zapis* (*Запись*), который издавался в Польше и в котором Торунчик выполняла обязанности секретаря редакции. Как рассказывает Б. Торунчик, «Иосиф Бродский сотрудничал с *Зешитами литерацкими* с самого начала существования журнала, причем участвовал в его основании <...> Польские события очень нас сблизили. Бродский невероятно Польшей интересовался, очень мне помогал, и не только профессионально, но и в личном плане» (Торунчик 2006).

Мысль об издании журнала особенно горячо поддержал и развил Ч. Милош – третий член «триумвирата поэтов», дружеского союза, заключенного между Бродским, Милошем и Венцловой в конце 1970-х гг. „Już w latach 60. – pisze Toruńczyk – uważał, że na emigracji powinien istnieć miesięcznik czy kwartalnik literacki bez

---

² «Торунчик хотела вернуться в Польшу и непременно попасть в тюрьму... нам с Бродским пришлось ее убеждать, что этого делать не следует, а следует поехать в Париж и основать там литературный журнал» (здесь и далее пер. с польск. автора статьи).

zobowiązań politycznych, bo właśnie literatura najważniejszym polem realizacji woli swobody i niezależności, w głębokim rozumieniu tych kategorii» (Kiežun 2013)³.

Здесь следует сделать небольшое отступление, чтобы исправить одну распространенную в периодике ошибку.

Так, К. Гавлич и М. Старнавский называют журнал косвенным продолжением польского подпольного журнала *Zapis*, хотя от этого замысла создатели журнала быстро отказались (Гавлич, Старнавский 2002). А в российском медийном обиходе, кажется, уже сложилось твердое представление о том, будто журнал *Zeszyty Literackie* начал издаваться чуть ли не как литературное приложение к *Культуре*. Между тем Е. Гедройц отказался поддерживать это начинание и даже видел в *Zeszytach* нечто вроде конкурирующей фирмы. Хотя в письме Редактору инициаторы журнала написали, что собираются «заниматься “теорией литературы, литературной критикой, помещать рецензии на публикации эмигрантских и отечественных издательств”. Предусматривался “большой отдел переводов как из восточноевропейской, так и из западной литературы”. Они собирались также интересоваться “интеллектуально-художественными событиями на Западе”, намечали “обзор наиболее интересных материалов мировой прессы»» (Зелинский 2008). А главную задачу журнала они видели в том, чтобы у оказавшихся в эмиграции польских писателей, критиков и переводчиков была возможность печататься.

Создание в эмиграции чисто литературного журнала вызвало неприятие не только у Гедройца. Многие обвиняли редакцию в «прекраснодушии», как, например, многолетний автор *Культуры* Густав Херлинг-Грудзинский, считавший, что литературно-художественный журнал на польском, выходящий в Париже в годы военного положения, пользы не принесет. Согласно рассказам Б. Торунчик, Херлинг-Грудзинский специально совершал с ней долгие прогулки по Парижу, чтобы отговорить от этого начинания⁴. Таким образом, многие поняли, что новое издание будет «белой вороной» в эмигрантской прессе, и его «инаковость» одних отпугивала, других – в частности, «триумвират поэтов» – наоборот, притягивала.

В редакцию первого номера журнала вошли поэт и переводчик Станислав Баранчак, искусствовед и критик Эва Беньковска, писатель Войцех Карпиньский и художественный критик Эва Курьлюк – все эмигранты либо поляки, работавшие за рубежом и до этого связанные с журналом *Zapis*. Кроме того с первых же номеров в редакцию были приглашены иностранцы – Иосиф Бродский и Карл Краль, чешский писатель, позже – Томас Венцлова.

В первом же номере журнала началась публикация дневников Юзефа Чапского, постоянного автора *Культуры*, которые, однако, в *Культуре* так и не появились.

³ «Уже в 60-е годы, – пишет Торунчик, – он полагал, что эмиграция должна иметь ежемесячник или ежеквартальник, свободный от политических обязанностей, так как именно литература служит важнейшим полем реализации воли к свободе и независимости, в самом глубоком понимании этих категорий».

⁴ Из устного выступления Б. Торунчик в Санкт-Петербурге, в Фонтанном доме в рамках вечера «Иосиф Бродский и *Zeszyty Literackie*» 2 октября 2012 г.

Рядом с дневниками бывшего офицера Армии Крайовой – воспоминания Казимежа Брандыса, бывшего коммуниста и соцреалиста, сменившего убеждения и ставшего диссидентом, а после эмигрантом. Эва Беньковска выступила с эссе – анализом стихотворения Милоша «Народ»; так на страницах журнала впервые появилось имя Милоша, одного из инициаторов издания. Следует отметить, что К. Брандыс был в числе литераторов, всячески клеймивших Милоша после эмиграции последнего, однако на страницах *Зешитов литературицких* их имена неоднократно оказывались рядом. Литературовед Войцех Карпиньский поместил статью о В. Набокове, писателе первой российской эмиграции.

В первый номер журнала вошли стихи С. Бараньчака и Я. Прокопа, а также И. Бродского и Н. Горбаневской, пьеса В. Гавела с послесловием автора, статья М. Кундеры, а также эссе Т. Венцловы «Игра с цензором». Я. Прокоп и В. Гавел эмигрантами не были; Прокоп не числился и в диссидентах. Таким образом, пятеро из авторов не были поляками, двое не были эмигрантами, все относились к разным поколениям – от родившегося в XIX в. Ю. Чапского (1896–1993) до поколения «коммандосов», родившихся в середине 1940-х гг., – и придерживались разных политических и эстетических взглядов. Такой «разнобой» не характерен для традиционных литературно-художественных журналов, как правило, вырабатывающих для себя определенное «направление», политическое либо эстетическое (что облегчает деление на «наших» и «ваших» в литературной полемике), однако объяснялся, как стало понятно из последующих номеров, не неопытностью или неумелостью редактора, а продуманной стратегией Б. Торунчик, во многом сложившейся под влиянием «триумвирата поэтов».

В рамках данной статьи невозможно проанализировать содержание каждой «литературной тетради». Отметим, что в каждом номере журнала публиковались как эмигранты, так и живущие на родине авторы – не обязательно диссиденты по политическим убеждениям, но находившие в себе смелость публиковаться в эмигрантском журнале в годы военного положения. Кроме того, в журнале присутствовал (и присутствует до сих пор) важный раздел «Центральная Европа», в котором публиковались чешские, венгерские, румынские авторы (такие как Петр Краль, Йозеф Шкворецкий, Янош Киш, Данило Киш, Эмиль Чоран, Мирча Элиаде, Ян Сейферт). Постепенно к новым (или относительно новым) произведениям польских и зарубежных авторов стали прибавляться тексты из наследия А. Ахматовой, М. Цветаевой, Н. Мандельштам, переводы западной классики, что расширило временные рамки журнального текста. Своими соображениями о Центральной Европе и восточноевропейской литературе стали делиться и западные публицисты и ученые – Исайя Берлин, Ален Безансон, Тимоти Гордон Эш, Никола Кьяромонте. На страницах почти каждого номера появлялись поэтические либо прозаические тексты Ч. Милоша, И. Бродского и Т. Венцловы (к тому времени только Милош был нобелевским лауреатом). Эссеистика и аналитические статьи заменяли «обзоры мировой прессы»; политике как таковой на страницах журнала не было места.

Можно сказать, что наиболее политизированным был первый номер, где ряд материалов был посвящен военному положению, – стихи С. Бараньчака, И. Бродского, Н. Горбаневской. Таким образом, уже первым номером было заявлено принципиальное отличие *Зешитов литерацких* как от польской *Культуры*, так и от самых известных русских эмигрантских журналов, таких как *Синтаксис* А. Синявского и М. Розановой и *Континент* В. Максимова (кстати, в редколлегию последнего входил и Бродский).

«Центральная Европа» („Europa Środka”) с самого начала стала постоянной рубрикой журнала. Авторы заново открывали и переосмысливали это понятие как культурную общность стран, то и дело на протяжении истории менявших свои границы в связи со столкновением интересов четырех империй – Российской, Германской, Австро-Венгерской и Оттоманской. Понятие это противопоставлялось принятому в политической прессе выражению «советский блок»; упор делался на Центральную Европу как родину равных народов, с большим и колоритным разнообразием культур, народов, языков и религий – то, что А. Михник назвал «реализацией идеала мультикультурного общества – миниатюрной “Европой народов”, воплощающей в себе максимальное разнообразие на минимальном пространстве» (Michnik 1998: 318). Привлекая к сотрудничеству в журнале западных интеллектуалов, редакция таким образом привлекала и внимание Запада к этому аспекту проблемы стран «советского блока», интересовавшего Западную Европу в первую очередь как политически и идеологически враждебное явление, но не как культурное сообщество.

Это не значит, что мнение авторов по интересующим редакцию вопросам было единым. Известна полемика Бродского с одним из творцов концепции «Центральной Европы» – М. Кундерой. Полностью соглашаясь с высказываниями чешского писателя по поводу имперских амбиций СССР, Бродский не мог принять того, что из кундеровской модели центральноевропейской культуры исключена культура российская. Опубликовав достаточно резкую статью Бродского «Почему Милан Кундера несправедлив к Достоевскому», журнал продолжал исправно печатать и Кундеру, и Бродского. А то, что в журнале регулярно появлялись и обсуждались произведения русских авторов, показывало, что «мнение редакции» скорее совпадает с мнением Бродского о том, что русская культура не тождественна советской политике и идеологии. Наряду с уже упомянутыми, в число русских авторов журнала входили Саша Соколов, А. Зиновьев, А. Солженицын, Ю. Трифонов, Б. Пастернак, Л. Чуковская и др. Именно рубрика «Центральная Европа», придуманная Б. Торунчик, по мнению А. Михника, стала «лицом» и самой большой заслугой журнала: „jej autorka decydowała królewskim gestem, kto do tej Europy Środka należy i w jaki sposób można zaliczyć tam Nabokova czy Annę Achmatową, to dzięki *Zeszytom Literackim* poznaliśmy geniusz eseistyczny Josifa Brodskiego, a także współczesną twórczość Thomasa Venclovy, to *Zeszytom Literackim* zawdzięczamy znajomość wspaniałej polemiki między Milanem Kunderą a Josifem Brodskim na temat środkowej Europy porwanej przez totalitarnego

бука»⁵ (Michnik 2002). «Маленькой центральнойеuropeйской республикой» назвала *Zešity literackie* И. Грудзиньска-Гросс. (Грудзиньска-Гросс 2012: 112). И эта «республика» обосновалась в Париже – городе, который в то время считался столицей западноевропейской культуры.

Таким образом, *Zeszyty Literackie* парижского периода являли собой «девиантное», свойственное гетеротопии поведение не только тем, что парижский журнал «должен» выходить на французском языке; не только тем, что журнал политической эмиграции «должен» заниматься вопросами политики и иметь свое политическое лицо. Девиантной была и идеология журнала, провозглашающего иное распределение центра и периферии (ставя таким образом под сомнение позиции Западной Европы как единственного культурного центра), и стратегия соположения несовместимого. В каноническом литературном пространстве тексты, написанные поляками-эмигрантами, поляками из Польши, авторами из стран Восточной и Западной Европы, Америки и СССР, теоретически могут сосуществовать, но разнесенными по отдельным топосам этого пространства.

Естественно, подобное издание – это гетеротопия кризиса, поскольку состояние эмиграции (и литературы в эмиграции) – это состояние безусловно кризисное. Ее функционирование было ограничено временными рамками: в конце 1980-х гг. ситуация в мире резко изменилась, и журнал, исчерпавший свою роль рупора восточноевропейской культуры, переставший быть эмигрантским, выходящий в Варшаве, изменил свои функции. На 20-летний юбилей журнала С. Бараньчак посвятил Б. Торунчик три лимерика, подарив ей их с шуточной надписью: «Басе Торунчик за многолетнее и неодолимое сопротивление моим стараниям превратить *Zeszyty Literackie* из интеллектуально-элитарного журнала в вульгарно-развлекательный». В 2013 г. журнал отпраздновал 30-летний юбилей, но остался «интеллектуально-элитарным», что говорит о том, что он по-прежнему занимает в современном медийном пространстве – по преимуществу «вульгарно-развлекательном» – своего рода «другое место».

ЛИТЕРАТУРА

ГАВЛИЧ, К., СТАРНАВСКИЙ, М., 2002. От расшатывания коммунизма к осмыслению демократии: роль гуманитарной периодики в Польше последних лет. *Неприкосновенный запас*, 6. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/gav.html> [см. 26 04 2013].

ГРУДЗИНСКА-ГРОСС, И., 2012. *Милош и Бродский: магнитное поле*. Москва: Новое литературное обозрение.

---

⁵ «Ее автор королевским жестом решала, кто к этой Европе середины принадлежит и каким образом можно причислить к ней Набокова и Анну Ахматову, это благодаря *Zešitam literackim* мы узнали эссеистический гений Иосифа Бродского, а также современное творчество Томаса Венцловы, это *Zešitam literackim* мы обязаны знакомством с замечательной полемикой между Миланом Кундерой и Иосифом Бродским на тему Центральной Европы, похищенной тоталитарным быком».

- ГУСЕЙНОВ, Г., 2002. Пространство. *Отечественные записки*, 6. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2002/6/prostranstvo> [см. 28 03 2013].
- ЗЕЛИНСКИЙ, Я., 2008. До чего же меткое название! *Новая Польша*, 1. Режим доступа: <http://www.nowpol.ru/index.php?id=913> [см. 24 02 2013].
- Литературный процесс, литературное пространство. Режим доступа: http://www.3slovary.ru/publ/sovremennaja_russkaja_literatura/literaturnyj_process_literaturnoe_prostranstvo/6-1-0-507 [см. 29 04 2013].
- ТОРУНЧИК, Б., 2006. Отголоски годовщины смерти Бродского. Беседа с Барбарой Торунчик. Беседу вела Ирина Завиша. *Новая Польша*, 6. Режим доступа: <http://www.nowpol.ru/index.php?id=655> [см. 29 03 2013].
- FOUCAULT, M., 1984. Des espaces autres. *Architecture, Mouvement, Continuité*, 5, 46–49.
- FRANASZEK, A., 2007. Dreszcz po kręgosłupie. Rozmowa z Barbarą Toruńczyk, redaktorem naczelnym *Zeszytów Literackich*. *Tygodnik powszechny*, 50. Режим доступа: <http://tygodnik.onet.pl/kultura/dreszcz-po-kregoslupie/v565y> [см. 28 04 2013].
- КІЕЖУН, Р., 2013. Podobać się wielkim cieniem. О *Zapisie*, *Zeszytach Literackich* i ostatniej książce Barbary Toruńczyk. *Kultura liberalna*, 208. Режим доступа: <http://kulturaliberalna.pl/2013/01/01/kiezun-podobac-sie-wielkim-cieniom-o-zapisie-zeszytach-Literackich-i-ostatniej-ksiazce-barbary-torunczyk> [см. 27 04 2013].
- МІСНІК, А., 1998. *Letters from Freedom: Post-cold War Realities and Perspectives*. University of California Press.
- МІСНІК, А., 2002. Adam Michnik o *Zeszytach Literackich*. *Gazeta Wyborcza*, 15.10.2002. Режим доступа: <http://wyborcza.pl/1,93057,1067889.html> [см. 29 03 2013].